
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111

Бурова Ирина Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
i.burova@spbu.ru

Васильева Эльмира Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
elmira.vasilieva@spbu.ru

Сестры Эммы Бовари: жены врачей в викторианской женской прозе

Для цитирования: Бурова И. И., Васильева Э. В. Сестры Эммы Бовари: жены врачей в викторианской женской прозе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (4): 653–672. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.407>

В статье ставится задача проанализировать образы жен врачей в творчестве британских писательниц второй половины XIX в. и выявить основные тенденции в их эволюции. Появление яркой монографии Т. Спаркс, посвященной образу врача в британском викторианском романе, вызывает потребность рассмотреть и образы жен врачей, ставшие весьма популярными в художественном творчестве викторианских писательниц. Материалом для нашего исследования послужили произведения Э. Гаскелл, Д. М. Мьюлок-Крейк, миссис Генри Вуд, Э. И. Теккерей, М. Э. Брэддон и Дж. Элиот, опубликованные в 1851–1872 гг. Исследование показало, что доминирующий в более ранних произведениях образ жены — жертвы мужа-врача довольно быстро сменяется образом разрушительницы его судьбы. Этот переход связывается с ослаблением позиций романтизма, интереса к готическим ужасам, а также с отходом от героизации преступной личности, характерной для «ньюгейтского» романа. При этом одним из наиболее мощных факторов, объясняющих эту перемену, является публикация «Госпожи Бовари» Г. Флобера, однако влияние этого романа на данный процесс нельзя абсолютизировать даже в тех случаях, когда автор (Брэддон) откровенно признает вторичность своего сочинения по отношению к «Госпоже Бовари». В качестве существенного фактора, позволяющего объяснить эволюцию образа жены врача в викторианском женском романе, рассматривается подъем т. н. первой волны феминизма, однако при этом весьма неожиданным для феминистской художественной литературы оказывается сочувствие, прояв-

---

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

ляемое писательницами к мужчинам, и их склонность критиковать жен, возлагая на них ответственность за семейные трагедии.

Ключевые слова: британский роман XIX в., женская проза викторианского периода, образ жены врача в художественной литературе, феминизм первой волны, насилие в семье.

Введение

В романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры дьявола»¹ («Die Elixiere des Teufels»², 1815) приводится интересное суждение о социальном статусе врачей: писатель уравнивает его с положением священников и при этом уподобляет и тех, и других «столбовым дворянам» на том основании, что они также имеют власть над людьми: первые — над телом, вторые — над душой (*Эликсиры*. С. 219) («Ärzte und Beichtväter sind regierende Herren — Heerscher über Leib und Seele, mithin allemal von gutem Adel» — *Elixiere*. S. 208). Это вполне применимо и к британскому обществу XIX в. и объясняет, почему редкий викторианский роман о жизни провинции обходится без образов священнослужителей и врачей, наряду с аристократией составляющих часть привилегированного общества, особенно провинциального, независимо от того, были они отпрысками благородных семейств или обрели свой статус благодаря полученному образованию. Вместе с тем умножение образов врачей в английском романе XIX в. можно было бы объяснить не только неоспоримыми успехами медицины, ростом престижа профессии и, как следствие, числа докторов: согласно статистике, в 1840-е гг. на одного врача в Лондоне приходилось 602 пациента, в провинции — 1185 человек [Loudon 1992: 241]. По-видимому, образы провинциальных врачей оказались более притягательными для писателей ввиду возможностей, которые предоставляло их использование: в отличие от столичных врачей, обслуживавших определенные социальные слои, такие профессионалы были вхожи во все страты местного общества, что позволяло создавать широкие социальные панорамы. С расцветом женской прозы в викторианскую эпоху все чаще в поле зрения авторов стали попадать и их жены, поскольку писательницы чувствовали себя гораздо увереннее, обращаясь к женской проблематике.

Если историю образа врача в английской литературе следовало бы начинать с «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера, то в данном исследовании мы избрали точкой отсчета роман В. Скотта «Дочь врача» («The Surgeon's Daughter», 1827) [Scott 1905]. Такое решение требует небольшого комментария. По сравнению с произведениями предшественников, в которых врачи занимают заметное место («Приключения Родерика Рэндома» (1748) Т. Смоллетта, «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» («The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman», 1759–1767) Л. Стерна и др.), М. Эджуорт и Скотт предложили совершенно иную трактовку их образов — сочувственную, полностью отказавшись от просветительской критики медицинского сословия [BMJ 1914: 253]. В романе «Патронаж» («Patronage», 1814) Эджуорт изобразила трудности, с которыми сталкивается в начале своей лондонской карьеры молодая врач. Однако именно в «медицинском» романе Скотта в центре внимания оказывается не профессиональная деятельность, но семья провинциального хирурга, а главной героиней становится молодая женщина из этой семьи. Ро-

¹ Гофман Э. Т. А. *Эликсиры дьявола*. Цит. по: [Гофман 2009: 7–336]. (Далее — *Эликсиры*.)

² Hoffmann E. T. A. *Die Elixiere des Teufels*. Цит. по: [Hoffmann 1958]. (Далее — *Elixiere*.)

ман открывается упоминанием портрета Гидеона Грея, который дает повод для его характеристики как одного из многих деревенских врачей, преданного своей профессии, вечно загруженного работой, обслуживающего всех страждущих в пределах 20 миль окрест. Хирург Грей — не только образ, характерный для сельской Шотландии, но и связующее звено между молодыми героями: он отец прелестной Мени, главной героини романа, опекун Ричарда Миддлмаса и наставник Адама Хартли, индийские приключения которых составляют сюжет романа [Gottlieb 2013: 114–116]. Скотт изображает врача симпатичным, благородным вдовцом, но также считает необходимым рассказать о его покойной жене, дочери местного фермера, которая только что не боготворила Грея и верность которой тот сохранил до самого конца. История недолгой, но счастливой супружеской жизни Греев оказывается весьма нетипичной, и в этом смысле роман Скотта также представляет собой удобную веху: в дальнейшем авторы решительно отдадут предпочтение изображению неудачных браков английских медиков. Перефразируя Л. Н. Толстого, можно сказать, что каждая докторская семья, изображенная викторианскими писателями, несчастлива по-своему, и наша задача состоит в том, чтобы проанализировать образы жен врачей в женской прозе, то, как авторы распределяют ответственность за эти несчастья между супругами, и постараться выявить некие закономерности в подходах к этой теме.

Материалом для нашего исследования послужили как ставшие классикой произведения Э. Гаскелл и Дж. Элиот, так и популярные в свое время, но менее облаканные интересом современных читателей и критиков сочинения Д. М. Мьюлок-Крейк, Э. Вуд (миссис Генри Вуд), Э. И. Теккерей и М. Э. Брэддон.

Жены-жертвы

В середине XIX в. в художественной литературе утверждаются образы врачей-убийц, жертвами которых становятся их жены; тем самым «медицинский» роман сближается с криминальным «ньюгейтским». Причины посягательств докторов на жизнь супруг могут быть разными, из средств достижения преступной цели врачи, хорошо разбирающиеся в фармакологии, предпочитают яды. В этом — отклик на реальные события современности: известно, что только в 1840-е гг. в судах Англии рассматривалось 164 дела отравителей, среди которых были 87 мужчин и 77 женщин [Watson 2004: 58]. Последние избирали в качестве орудия убийства мышьяк, желая решить свои финансовые проблемы или отомстить домашним тиранам. В делах отравительниц узнаваемо проступают черты, известные по процессам над французской маркизой де Бренвилле, казненной в 1676 г., и Мэри Бленди из Хенли-на-Темзе, повешенной в 1752 г. [Эмсли 2018: 9–11]. Художественная литература четко фиксирует всплеск интереса к подобным историям («Пол Клиффорд» («Paul Clifford», 1830) и «Юджин Эрам» («Eugene Aram», 1832) Э. Бульвер-Литтона, «Руквуд» («Rookwood», 1834) У. Эйнсворта, «Оливер Твист» («Oliver Twist», 1838) Ч. Диккенса, «Кэтрин» («Catherine», журнальная публикация 1839–1940) У. М. Теккерей и др.).

В 1850-е гг. британское общество было потрясено рядом судебных процессов, в которых в качестве преступников-отравителей фигурировали врачи. В 1856 г. внимание всей страны было приковано к делу врача — серийного убийцы Уильяма Палмера, которого газетчики окрестили «князем отравителей». Среди его жертв были

не только знакомые (Леонард Болден (1850) и Джон Парсонс Кук (1855)), но и ближайшие родственники: теща (1849), 27-летняя жена (1854), четверо их общих детей, самому старшему из которых было 2,5 месяца (1851–1854), брат (1855). Дело Палмера шокировало современников, внушая серьезное недоверие к представителям медицинской профессии, которые могли использовать свои знания во зло окружающим [Fletcher 1925]. Не менее резонансным оказалось и дело гидротерапевта Томаса Сметхерста, в 1859 г. обвиненного в двоеженстве и отравлении беременной второй жены, но избежавшего казни из-за недостаточности улик и осужденного только за двоеженство [Newton 1859]. Литературный мир четко отреагировал на подобные события появлением историй о докторах-злодеях, т. н. медицинской готики [Kennedy 2004: 345], в последние годы выделяемой в качестве особого поджанра готической прозы [Talairach-Vielmas 2010; Edwards 2015] и представляющейся нам частным случаем характерного для ранневикторианского периода сближения готической и «ньюгейтской» прозы [Worthington 2012: 129], основательно изученного на примерах творчества Эйнворта и Бульвер-Литтона [Hollingsworth 1963; Горшкова 2002; 2015; Иванова 2009]. В относящихся к ней женских рассказах и романах этого периода получает распространение сюжет о жене врача, оказывающейся во власти такого преступника и как супруга, и как пациентка.

Всегда внимательная к медицинской проблематике миссис Генри Вуд удачно совместила в своих историях о врачах-убийцах сенсационность с готическим мотивом Синей Бороды [Price 2015], отказавшись, впрочем, от традиционного наказания жен за любопытство и отдав им роль жертв домашнего насилия. Дело Палмера вдохновило писательницу на создание повести о докторе — серийном убийце, которая была анонимно и без единого заголовка напечатана в мае — сентябре 1857 г. в ежемесячном альманахе «Бентли» («Bentley», т. 41 и 42), а впоследствии издавалась под названиями «Господин Кастонель» («Mr. Castonel»³), «Жерваз Кастонель, или Шесть серых порошков» («Gervase Castonel; or, The Six Grey Powders») и «Шесть серых порошков» («Six Grey Powders»). Повесть открывается рассказом о появлении в городке Эбери молодого лондонского врача. Жерваз Кастонель (поскольку речь идет о «готическом» злодее, то показательным является выбор для него французского имени) не обладает броской внешностью, автор отмечает лишь черный цвет его шевелюры и непроницаемое выражение глаз, избегающих смотреть прямо на собеседников (Castonel. No. 41. P.514). Последнее обстоятельство никого не настораживает, и доктор легко очаровывает пациентов. Секрет его популярности раскрывается сразу же на примере майорши Эйкр: когда прежде она обращалась со своими проблемами к местному аптекарю Уиннингтону, тот советовал ей побольше гулять и поменьше есть, очевидно, видя в ней мнимую больную, в то время как Кастонель не только внимательно выслушивает ее жалобы, но и подтверждает наличие у нее хвори, обещая ей быстрое выздоровление. Все пациенты Кастонеля поглощены собой, никто не проявляет интереса к прошлому доктора. Не настораживает жителей Эбери даже то, что обходительность нового врача распространяется только на платных пациентов, а нежелательные для него бесплатные больные возвращаются на лечение к старику-аптекарю, пользующемуся старыми проверенными методами и воплощающему британское здравомыслие. Эберийцы также никак не связывают с доктором появление в городке Лавинии и не подозре-

³ Wood H. Mrs. Mr. Castonel. Цит. по: [Wood 1857]. (Далее — Castonel.)

вают, что она — его законная жена. Поэтому Кастонель беспрепятственно женится на местной красавице, которая, однако, вскоре умирает. Доктор утешается в браке с другой девушкой, но и та стремительно сходит в могилу. Такая же участь ждет его третью эберийскую супругу. Практически одновременно городок потрясает известие о смерти незаконнорожденного ребенка, отцом которого предположительно являлся Кастонель, и врача, наконец, начинают подозревать в злодеяниях. В этот момент Кастонель осознает опасность, которую представляет для него Лавиния, и принимает решение разделаться и с ней. Лавиния остается жива по чистой случайности: увидев в зеркале, как Кастонель подсыпает какой-то порошок в ее бокал с вином, она сумела подsunуть отравленный напиток этому серийному убийце, который умер прямо в ее доме.

Недоверию к врачам пропитан и роман Вуд «Дочери лорда Оукберна» («*Lord Oakburn's Daughters*»⁴, 1864). И дело не только в том, что главным злодеем в нем оказывается врач-отравитель Карлтон, «крутой джентльмен» (*Daughters*. P.4) в глазах обывателей захолустного Саут-Уэннока, который сначала женился на бедной сироте Клэрис, а после ее смерти в результате отравления опасными лекарствами — на богатой наследнице Лоре, не подозревая о родственных узах, связывающих девушек, но рассчитывая укрепить свое положение за счет общественного положения семьи Лоры. Сходство Карлтона с Синею Бородой усиливается здесь за счет мотива тайны, связанной с личностью его первой жены: Лора обнаруживает в кабинете мужа письмо, из которого следует, что покойная была ее сестрой, пропавшей несколько лет назад. Таким образом, Вуд последовательно проводила мысль о том, что жены врачей совершенно беспомощны перед мужьями, которые могут использовать свои профессиональные знания не только во благо, но и во зло. Стены дома становятся для жен врачей опасной тюрьмой, надежно скрывая преступления их супругов.

Медицинская проблематика, внимание к положению жен провинциальных врачей и техника подачи тайны, характерная для «сенсационной» прозы, сближает рассказ Мьюлок «Двойной дом» («*The Double House*»⁵, 1856) с указанными выше произведениями Вуд. В то же время, в отличие от Кастонеля и Карлтона, доктор Мерчистон, «человек острого ума, высоких принципов, с великодушным и нежным сердцем» (*House*. P.114), обладающий к тому же «сильной волей» (*House*. P.119), испытывает желание убить жену исключительно в силу душевной болезни, проявившейся через полгода после его женитьбы. Гомицидная мания Эвана подвергает Барбару Мерчистон страшной опасности и ставит ее в полную зависимость от самоконтроля мужа-врача, который героически борется со своим недугом, одновременно скрывая его, поскольку события в рассказе отделены от времени повествования четырьмя десятилетиями и относятся к тем временам, когда «к повреждению рассудка относились совсем иначе, чем теперь... видя в нем одержимость, проклятие, чуть ли не преступление», когда «любая семья, член которой страдал этим недугом, хранила это в тайне», а «слова “сумасшедший дом”, “доктор для умиленных” вызывали содрогание, и люди боялись произносить их» (*House*. P.123).

Любя жену (чета переезжает из Лондона в деревушку Эйпдейл из-за слабого здоровья миссис Мерчистон, доктор Мерчистон постоянно заботится о ее материальном благосостоянии, его возмущает одна мысль о том, что Барбара могла бы

⁴ Wood H. Mrs. *Lord Oakburn's daughters*. Цит. по: [Wood 1889]. (Далее — *Daughters*.)

⁵ Mullock D. *The double house*. Цит. по: [Mullock 1874: 114–126]. (Далее — *House*.)

устроиться на работу гувернанткой), Эван вынужден из предосторожности дистанцироваться от нее. Именно поэтому супруги поселяются в «двойном доме», части которого соединяются крытым переходом с запирающейся дверью, и почти не видятся в течение пяти лет. Оба понимают ненормальность сложившегося положения и страдают, муж — от невозможности раскрыть свой трагический секрет, жена — от непонимания причин, обрекших ее на одиночество.

Повествование в «Двойном доме» ведется от лица Пегги, жены другого доктора, Джеймса Риверса, и соседки Мерчистонов по Эйпдейлу. Она рассказывает внукам историю о Мерчистоне, которая может восприниматься и как повесть о таинственном случае, и как история о силе любви: Мерчистон делом доказал свои чувства к жене, а она после смерти супруга осталась верна его памяти. Пегги предстает как словоохотливая провинциалка, но ее повествование высвечивает второй смысл названия рассказа, позволяющий сделать обобщение о положении жен провинциальных врачей в целом.

Двойной дом у Мьюлок актуализирует образ стены, которая на сей раз возникает между врачами и их женами. Сюжет рассказа оказывается тесно связанным с дискутировавшейся в обществе концепцией «раздельных сфер», физическим воплощением которой стало эйпдейльское жилище Мерчистонов. Однако врачи и их жены в рассказе разделены прежде всего невидимыми барьерами, которые создает медицинская профессия. На протяжении всего повествования Пегги Риверс не раз сетует на отстраненность мужа («я разговаривала с пустым местом... Тщетны были попытки заинтересовать его Двойным домом или людьми, которые собирались поселиться в нем». — *House*. P.114), несовпадение их взглядов («просто у него было мужское представление о главенстве в браке и порочности всего, что противоречит обычаям семейной жизни». — *House*. P.120), смиренно признавая интеллектуальное превосходство мужчин и невозможность разговаривать с ними на равных («Я слушала, польщенная как женщина, которая довольствуется возможностью... насладиться тем, что навсегда останется недоступным для нее». — *House*. P.123). Все это можно было бы распространить на ситуацию в любой викторианской семье, однако, по мнению писательницы, положение жен врачей усугубляется тем, что профессия супруга служит дополнительным препятствием для доверительных отношений в семье: им не только нет доступа в мир медицинской науки — врачебная этика заставляет врачей оберегать свои профессиональные тайны. Усиливая образ этих внутрисемейных стен, реальной и метафорической, Мьюлок изображает не столько отношения между супругами или супружескими парами, сколько отношения между двумя женами врачей, кроткой и активной, и врачами, обсуждающими друг с другом медицинские проблемы, в том числе патологическое состояние Мерчистона.

Вызванные болезнью преступные наклонности Мерчистона создают угрозу жизни его жене. Однако именно медицинское образование помогло Мерчистону защитить ее от самого себя. «Медико-готический» мотив — по существу, являющийся попыткой реанимировать затухающий интерес читателей к готическим ужасам — в «Двойном доме» исчерпывается проблемой неконтролируемости поведения при психических заболеваниях, демонизацией той силы, которая высвобождается в периоды обострений. В то же время мы остановились на этом рассказе более подробно, поскольку он отличается от других изображением пары, в которой оба супруга нежно любят друг друга и оба являются жертвами болезни мужа-врача.

Жены-разрушительницы

Жены-разрушительницы с иллюзиями. В дальнейшем женская проза о женах врачей, как ни странно, делает резкий разворот, обращаясь к сюжетам, в которых уже доктор становится жертвой собственной супруги.

Безусловно, важнейшую роль в освоении темы жизни жены провинциального врача сыграла «Госпожа Бовари» («*Madame Bovary*»⁶, 1856) Флобера, актуализировавшая мотив женских иллюзий, утраченных в браке. Однако установить степень влияния этого романа на викторианскую литературу очень сложно, ибо за ним еще со времен обвинений Флобера в оскорблении общественной нравственности закрепились скандальная репутация, что делало опасными прямые признания авторов в следовании такому образцу. Большинство англичан узнали о факте существования «Госпожи Бовари» из газетных и журнальных публикаций, связанных с судебным преследованием Флобера. «Таймс» писала о нем в выпусках от 27 января и 2 февраля 1857 г., более подробная информация была опубликована в «Сатердей ревью», солидаризировавшемся с «общественностью» Франции в оценке романа и глубоко шокированном одной мыслью о том, что Ш. О. де Сент-Бёв позволил себе одобрительно отозваться о всеми порицаемом произведении [Stephen 1857]. Негативная оценка «Госпожи Бовари» прочно укоренилась в сознании викторианцев: в статьях, посвященных проблеме рецепции «Госпожи Бовари» в британской критике, А. Руксевиль отмечает на протяжении всего XIX столетия стойкое неприятие романа англичанами как слишком «французского» и несоответствующего вкусам английских читателей [Rouxeville 1977; 1987–1988]. Из приводимых исследовательницей фактов наиболее впечатляет резко отрицательная реакция общества на публикацию в 1886 г. выполненного Э. Маркс-Эвелинг, младшей дочерью К. Маркса, первого английского перевода романа, обернувшуюся судебным преследованием издателя Г. Визителли. Даже через 30 лет после первого упоминания романа в английской печати такой тонкий критик, как М. Арнольд, утверждал, что «Госпожа Бовари» отталкивает своей беспросветной мрачностью, отсутствием «персонажа, который порадовал бы или утешил» читателей [Arnold 1887: 786]. И хотя вопрос о влиянии произведения Флобера на английскую художественную литературу второй половины XIX в. до сих пор остается открытым, наш анализ образов жен врачей в творчестве викторианских писательниц может внести некоторый вклад в его решение.

Очевидно, что и до выхода в свет английского перевода «Госпожи Бовари» читавшие по-французски британцы имели возможность познакомиться с романом в оригинале. На наш взгляд, следы его раннего влияния отчетливо проявляются в таких произведениях, как повесть Теккерей «Вдали от света» («*Out of the World*»⁷, 1863) и роман Брэддон «Жена врача» («*Doctor's Wife*», 1864) [Braddon 1864].

Жена-разрушительница в английском варианте романа о скуке. Повесть Теккерей «Вдали от света» впервые была опубликована в «Корнхилл мэгэзин» в сентябрьском и октябрьском выпусках 1863 г. М. Мурао справедливо указывает, что писательница поднимает здесь вопросы о том, что побуждает женщин выходить замуж и какие надежды они связывают с браком [Mourao 2001: 61], а Л. Ф. Шенкман

⁶ Flaubert G. *Madame Bovary. Moeurs de Province*. Цит. по: [Flaubert [1920]]. (Далее — *Bovary*.)

⁷ Thackeray A. I. *Out of the World*. Цит. по: [Thackeray 1870: 305–323]. (Далее — *Out*.)

усматривает в повести развитие темы женщины-узницы, намеченной в дебютной повести писательницы «История Элизабет» («The Story of Elizabeth»), напечатанной весной того же года в том же журнале. Между тем также очевидно, что Теккерей интересовали проблемы, возникающие в связи с переходом в другую социальную среду у светской барышни, вышедшей замуж за провинциального врача [Thackeray Ritchie 1994: 69].

Прямых доказательств знакомства Теккерей с «Госпожой Бовари» нет. Косвенно в его пользу говорит хорошее знание французского языка, укрепившееся за годы, проведенные юной Энн в Париже. Известно, что У.М. Теккерей живо интересовался новинками французской литературы. Боготворившая отца и во всем подражавшая ему дочь не могла не последовать его примеру. На наш взгляд, сходство героини «Вдали от света» Хорейшии с Эммой Бовари проявляется в том, что она выходит замуж без настоящей любви, питает радужные иллюзии по поводу брака с провинциальным врачом (правда, устав от светских развлечений, она мечтает не о яркой «парижской» жизни, но о «тихой маленькой гавани» — *Out*. P. 306), по мере их таяния пытается «возвысить» мужа до уровня, который удовлетворял бы ее амбициям, в данном случае — оторвать супруга от привычного «плебейского» окружения, помочь ему обзавестись престижной клиентурой и ввести его в высшее общество, на периферии которого сама героиня Теккерей вращалась до замужества. И в семье Бовари, и в семье Ричей муж и жена совершенно по-разному представляли себе жизнь в супружестве. Когда Шарль Бовари полагал, что «Эмма счастлива с ним», ее «раздражало его непоколебимое спокойствие, его несокрушимая уверенность в себе, даже то счастье, которое она ему принесла» (*Bovary*. P. 52). Если идеалом жены для Джорджа Рича была женщина «красивая, сострадательная, проявляющая интерес к его делам, довольная судьбой, жизнерадостная, преданная» (*Out*. P. 315) и он, видя его в Хорейшии, пытался сделать ее счастливой в соответствии с собственными представлениями о счастье, то она, признавая его доброту и заботливость, сетовала на то, что он недостаточно любит ее («Оставив все ради него, я думала, что, по крайней мере, он будет любить меня») и что «ему была нужна домохозяйка <...>, а не жена» (*Out*. P. 320). Французская и английская жены врачей в равной степени недовольны своим замужеством, не ценят чувств своих мужей и стремятся достигнуть счастья за пределами той жизни, на которую обрекли себя, выйдя замуж.

Вместе с тем викторианская писательница не могла даже помыслить о том, чтобы изобразить свою героиню чувственной, стремящейся к сексуальному удовлетворению, нарушающей брачные обеты. У Эммы было два любовника, у Хорейшии — два партнера по танцам на балу, куда она отправилась без супруга. Однако, как и у Флобера, у Теккерей главной причиной недовольства героини оказывается скука. Жизнь жены врача не предполагает увеселений, к которым она привыкла ранее. Одним из главных заблуждений Хорейшии была мысль о необходимости бежать от жизни света, поскольку на самом деле она и в этом случае не дорожила тем, что имела. В своем стремлении к развлечениям Хорейшия оказывается близка заглавной героине «Истории Элизабет», вырванной из круговорота лондонской светской жизни и взбунтовавшейся против необходимости жить в пуританском доме отчима, где не было места веселью. Тема скуки повседневной жизни сближает обе эти повести с романом Флобера, который, по справедливому замечанию А.С. Байетт, является лучшим произведением на эту тему [Wyatt 2002].

Главное отличие повести Теккерей от романа Флобера заключается в трактовке образа провинциального врача. Шарль Бовари — «никакой», заурядный обыватель, абсолютно негероическая личность, предмет постоянной авторской иронии, пробивающейся сквозь новаторскую объективную манеру повествования. Джордж Рич, напротив, характеризуется как истинный джентльмен с достойным прошлым: к своим 40 годам он успел послужить корабельным хирургом, побывать в Индии и дважды оказывался «на краю гибели», и если «за два десятка лет доброе сердце, добрый разум и хорошее образование не сделают человека джентльменом, то сложно сказать, что еще требуется для этого» (*Out.* P. 309). Он, как и Шарль, испытывает физическое влечение к своей избраннице, целомудренно описываемое Теккерей как любование ее красотой, которую Рич отождествляет с добродетелью, и трогательно жалеет Хорейшию, полагая, что она страдает от отсутствия возможности заниматься достойными делами; при этом в отношении к жене нежный, терпеливый, заботливый Рич все же остается врачом, сострадающим пациентке.

Теккерей с пониманием относится к своей героине-ровеснице: к 32 годам Хорейшия не нашла себе достойного мужа, она колеблется перед тем, как согласиться на брак с Ричем. Впрочем, и рассудительный доктор решается вступить в брак отчасти просто потому, что ему пора жениться, поскольку он «не предполагает, что его сестра, которая до сей поры вела его хозяйство, останется с ним навсегда» (*Out.* P. 306). В трактовке причин, по которым брак Джорджа и Хорейшии оказался несчастливым, Теккерей, объективно сближаясь с Флобером, полагает, что главными были психологический склад героини, не умевшей ценить то, что ей посылает судьба, и постоянно томящейся скукой, а также принадлежность к разным социальным кругам («свету» и «не-свету»), против чего так решительно выступал Бальзак, и изображает крушение иллюзий супругов. При этом писательница симпатизирует врачу, а не его эгоистичной жене, которая довела его до рокового сердечного приступа. Аллюзия к Малому Трианону при описании дома Рича (*Out.* P. 315) не только помогает понять заблуждения Хорейшии относительно жизни сельского врача [Thackeray Ritchie 1994: 69], но и устанавливает аналогию между героиней и Марией-Антуанеттой: красивая, взбалмошная любительница развлечений, бесконечно далекая от прозы жизни, она, подобно французской королеве, становится причиной гибели супруга. Хотя формально Хорейшия не совершала преступления, она все же «убила мужа, она испортила и отравила последние часы его жизни» (*Out.* P. 323). Таким образом, Теккерей одной из первых среди викторианских писательниц рассказывает историю, в которой ответственность за крах семьи и смерть мужа напрямую возлагается на героиню, жену врача, сделавшую его своей жертвой. Несмотря на выраженный феминистский мотив нежелания женщины выходить замуж, звучащий и в связи с Хорейшией, и в связи с ее антиподом Робертой, во «Вдали от света» преобладает чисто викторианская концепция превосходства мужчин над женщинами, проявляющаяся в решении мужских образов (Рич, Кэтон, Дамблтон).

Жена-разрушительница в романе о вреде романтической литературы и средстве от скуки. Во втором из названных нами произведений о женах врачей влияние «Госпожи Бовари» связано прежде всего с мотивом воздействия чтения на формирование представлений героини о жизни, а увлеченность героини романтической литературой объясняется все той же скукой, усугубленной врожденной ленью и отсутствием не только желания, но и возможности заняться делом.

В романе «Жена врача», печатавшемся в журнале «Темпл Бар» на протяжении всего 1864 г. и вышедшем отдельным изданием в 1865 г., интересующий нас персонаж обретает статус заглавной героини. Критики сразу обратили внимание на сходство между Изабел Слифорд и Эммой Руо: обе рано лишились материнской опеки и выросли на любовных романах. Отмечалось и то, что Джордж Гилберт представляет собой «точную копию господина Бовари» [E. D. 1864: 475]. Современные литературоведы по-прежнему видят в «Жене врача» Брэддон «английский вариант» [Sparks 1999: 197; 2009: 63], «переделку» [Golden 2006: 30] или «англизированной пересказ “Госпожи Бовари”» [Beller 2012: 66]. И все же разница между этими двумя произведениями огромна. Королева «сенсационного» романа Брэддон ввела в «Жену врача» характерный мотив криминальной тайны, связанный с семьей героини, что в известной степени возвращает нас к поэтике «ньюгейтского» романа. Изабел, загадочно исчезнувшая вместе с семьей на следующий день после встречи с молодым доктором Гилбертом, а затем неожиданно вновь вошедшая в его жизнь, избегает говорить о прошлом, чурается девичьей фамилии, падает в обморок, узнав, что ее возлюбленный способствовал аресту мошенника, подделывавшего банковские документы, поскольку мошенником этим был ее родной отец, поклявшийся убить своего разоблачителя после выхода из тюрьмы, становится жертвой вымогательства освободившегося папаша и свидетельницей его роковой встречи с Роландом, завершившейся смертельным ранением последнего. Едва ли можно возвести такую типично «сенсационную» интригу к «Госпоже Бовари», где лишь вскользь упоминается, что у героини был родственник, чуть было не попавший под суд за драку. Не найдем мы у Флобера и романтического сцепления обстоятельств: герои Брэддон, казалось бы, далекие друг от друга, оказываются хорошими знакомыми (Сигизмунд Смит, снимавший комнату в доме отца Изабел, является родственником Чарлза Реймонда и некоторое время был наставником Роланда Лэнселла; Реймонда и Роланда связывают дружеские узы; Роланд способствовал аресту отца Изабел и т. д.) или же с завидным постоянством оказываются в одном и том же месте, способствуя развитию интриги. Наконец, немаловажно то обстоятельство, что романтические мечты Эммы, навеянные чтением, разбились при столкновении с действительностью, тогда как никакие трагедии не смогли отвлечь Изабел от любимых книг. У Флобера такого рода чтение имеет губительные последствия для героини; у Брэддон судьба Изабел доказывает, что легковесные, развлекательные книги, по поводу которых автор иронизирует на всем протяжении романа, причиняют вред не самой читательнице, а тем, кто сталкивается с ее обыкновением витать в облаках.

В то же время в первых двух книгах романа Брэддон старается следовать по стопам Флобера, выдвигая на роль героини такую же страстную поклонницу романтических историй, как Эмма, столь же необдуманно вышедшую замуж за провинциального врача и быстро осознавшую свою ошибку. Определяющими чертами характера Изабел являются пассивность и леность. Даже при первом представлении она производит впечатление безнадежной мечтательницы, для которой книжная псевдореальность важнее действительности, и поражает неопрятностью внешнего облика, который гармонирует с запущенностью сада, в котором она расположилась с книгой, метафорически отражая тот сумбур, который царит в ее голове. Безделье оставалось ее бичом и в замужестве: всю домашнюю работу в ее новом доме вы-

полняют слуги, в жизни нет ничего интересного. «Жена врача» стремительно превращается в роман о крушении иллюзий и скуке, вызванной отсутствием общих интересов у молодых супругов. При этом Изабел даже не помышляет об адюльтере, в общении с джентльменом-поэтом Лэнсделлом она ищет лишь духовной близости, которую не обрела в браке с недалеким и практичным Гилбертом. Как и положено викторианской героине, она не стремится испытать любовную страсть, то загадочное «упоение», которое так интриговало Эмму. Изабел вполне благополучно переживает и смерть платонического возлюбленного, и смерть мужа, а ее самые сильные эмоции связаны с тем, что Роланд, как выяснилось, не желал чистоты в их отношениях. Если в трагедии Эммы Флобер винил романтическую чепуху, которую она восприняла как нормы недоступной ей «парижской» жизни, то Изабел, демонстрировавшая сходные литературные пристрастия, не оказывается жертвой стереотипов, выработанных бессистемным чтением. Эмма теряет все, Изабел обретает свободу и богатство, а также лекарство от скуки — возможность ввести в унаследованном поместье Роланда те новшества, о которых он мечтал во времена их первой встречи. Такой сюжетный ход возвращает нас к «Дочери врача» Скотта: Мени, унаследовавшая значительную часть состояния героически погибшего Хартли, вернулась в родную деревню, осталась одинокой и посвятила себя добрым делам. Подобная развязка перечеркивает все романские стереотипы. Воплощаясь в мечтах в любимых героинь, Изабел видела рядом с собой мужчину, но в реальности обрела счастье в обществе кузины Роланда, семейная жизнь которой также не сложилась в традиционном понимании. Это заставляет вспомнить главу 3 первой книги романа, в которой Сигизмунд Смит говорил, что глаза Изабел напоминают ему о «Девушке с золотыми глазами» Бальзака. Смысл этой аллюзии раскрывается только в финале, позволяющем увидеть в английском романе вывернутый наизнанку сюжет повести Бальзака.

Выявленные нюансы образа Изабел заставляют скептически отнестись к попыткам рассматривать «Жену врача» как результат механического перенесения истории госпожи Бовари на английскую почву. Однако «докторша» Изабел — такая же жена-разрушительница, как Хорейшия и Эмма.

Жены-разрушительницы без иллюзий: «гиацинт» и «базилик». Если героини Теккерей и Брэддон превращали своих мужей в жертв в силу своей недалекости и заблуждений, то в другой группе сочинений викторианок возникает образ жены врача совершенно иного типа: речь идет о женщинах, трезво оценивающих социальный статус докторов и стремящихся воспользоваться связанными с ним преимуществами. Действия таких дам направлены исключительно на достижение собственных меркантильных целей. Такие жены знают, чего хотят. Разнятся лишь их аппетиты. Одних устраивает тот уровень комфорта, который уже создан в доме доктора на момент женитьбы, другие жаждут большего.

Брак с врачом в карьере «истинной леди» в творчестве Э. Гаскелл. Образы жен врачей занимают заметное место и в творчестве Гаскелл. Верная последовательница Дж. Остин, Гаскелл охотно воссоздавала типажи, знакомые читателю по собственному опыту, а также по художественной литературе: ее провинциальные сплетницы и старые девы, отставные военные, кокетливые барышни, охотящиеся за достойной партией на балах в домах местной знати, городские щеголи и обстоятельные сквайры-патриоты вполне типичны для английского провинциального

дискурса и нарративов о маленьких сообществах (community narratives). Врачи в ее произведениях — чаще всего почтенные вдовцы или старые холостяки — нередко становятся центрами таких сообществ и желанной добычей для местных незамужних дам. Так, в повести «Признания мистера Харрисона» («Mr. Harrison's Confessions»⁸, 1851) молодой и обходительный лондонский врач Фрэнк Харрисон, открывший практику в провинциальном Данкоме, немедленно вызывает интерес у женской половины его населения. Среди наиболее активных претенденток на руку и сердце Фрэнка оказывается и уже немолодая миссис Роуз, покойный муж которой также был врачом. Гаскелл не без симпатии, но и не без иронии создает образ тихой, скромной, покладистой женщины, страдающей от одиночества, но при этом свято уверенной в том, что неписанные правила светской благопристойности обязывают ее быть верной памяти покойного и запрещают чувствовать себя счастливой после его смерти: «...она говорила о том, что с уходом мистера Роуза на свете не осталось никого, кто был бы добр к ней, и она считала дни до их воссоединения в лучшем мире. Но я думаю, что дни до чаепития у мисс Томкинсон она тоже считала, так много она говорила об этом» (Harrison. P. 121). В дальнейшем ирония в голосе повествователя Фрэнка только усиливается. Превознося доброту и женственную мягкость миссис Роуз, молодой врач довольно быстро устает от утомительно длинных историй своей компаньонки о практике ее покойного мужа, от ее неуместных рекомендаций, касающихся его собственных профессиональных действий. Пока Фрэнк размышляет о том, как сохранить сломанную руку данкомскому плотнику, миссис Роуз, путая лучевую кость с большеберцовой, замечает: «Вы хотите сохранить *os tibia*, и я знаю, как это будет сложно. У моего покойного супруга был точно такой же случай, и я помню, каких трудов ему это стоило» (Harrison. P. 136). Так она демонстрирует свою причастность к «аристократической» профессии медика и — на этом основании — право выносить «компетентные» заключения. Ироничным представляется и окончание истории миссис Роуз, которая, уверившись в исключительно дружеском отношении к ней Фрэнка, принимает предложение руки и сердца от старшего данкомского врача мистера Моргана: Гаскелл показывает, что жизнь в статусе жены городского врача оказала влияние на поведение миссис Роуз и ее вкусы, привив ей определенную утонченность и аристократические замашки, поэтому и вторым ее мужем становится именно врач. Если образ потомственного врача воспринимался и до сих пор воспринимается совершенно естественно, то Гаскелл оказывается первопроходцем в изображении феномена «потомственной» жены врача, который впоследствии привлечет внимание и Элиот.

Образ жены врача получил дальнейшее развитие в романе Гаскелл «Жены и дочери» («Wives and daughters»⁹, 1864–1866), при создании которого писательница многократно обращалась к прежним наработкам, перенося на страницы своего ключительного шедевра героев и сюжетные коллизии, уже знакомые читателю по ее более ранним произведениям. Писательница не стремилась к самоповторению, но, учитывая свой предыдущий опыт, выводила на новый уровень прежние сюжетные коллизии, а также создавала психологически более точные и сложные портреты персонажей. В то же время в начале этого романа ощутимы отголоски «Дочери врача» Скотта: Кокс, ученик доктора-вдовца Гибсона, занимающего гораздо более

⁸ Gaskell E. *Mr. Harrison's Confessions*. Цит. по: [Gaskell 2005: 97–160]. (Далее — *Harrison*.)

⁹ Gaskell E. *Wives and daughters. An every-day story*. Цит. по: [Gaskell 1890]. (Далее — *Wives*.)

высокое общественное положение по сравнению со скоттовским доктором Греем и вхожего в высшие круги провинциальной знати, влюбляется в его дочь. Решив оградить еще слишком юную Молли от воздыхателя, Гибсон отправляет ее к Хэмли, в доме которых сам знакомится со своей будущей второй женой миссис Киркпатрик. Благодаря Хэмли завязываются и другие сюжетные линии романа: Молли получает сводную сестру Синтию, зарождаются ее чувства к Роджеру [Cohen 1995: 158].

Новая жена доктора Гибсона Гиацинта Клэр заметно отличается от тихой, далеко не уверенной в себе миссис Роуз: она твердо знает, что хочет получить от жизни, и понимает, как должна действовать. Это типичная мелкая хищница, охотница за высоким, но при этом достижимым для нее социальным статусом. Казалось бы, ее покойный муж был всего лишь скромным викарием, но «из очень хорошей семьи», т. е. имел, пусть и призрачные, надежды унаследовать титул баронета. Овдовев, Гиацинта ищет способ выбраться из унижительной для нее бедности. Идеальным способом решения проблемы ей видится брак с холлингфордским врачом Гибсоном, который не принадлежит к аристократии, но вхож в дома местной знати и пользуется уважением и добрым расположением лорда и леди Камнор — фактических хозяев Холлингфорда. Брак с ним означает для Гиацинты достаток и высокое положение в обществе, возможность завести полезные знакомства в элитных кругах. В ее системе ценностей личные достоинства Гибсона практически не имеют значения, хотя он является именно таким врачом, каким в мечтах Эммы должен был стать Шарль Бовари, — уважаемым, поддерживающим знакомства с элитой местного общества и способным распространить свои привилегии на членов своей семьи. По мнению К. Бойко, образ Гиацинты комичен в своей основе именно потому, что, пресмыкаясь перед носителями аристократических фамилий, она не в состоянии оценить истинное благородство духа Гибсона, его дочери Молли, а также мужчин семейства Хэмли [Boiko 2005: 87], которых она не считает достойными партиями ни для родной дочери, ни для падчерицы. Поверхностность понятий Гиацинты («Право, мистер Гибсон, если сравнить вашу наружность и манеры с вашими вкусами, так только диву даешься. Ведь с виду-то вы настоящий джентльмен...» — *Wives*. P. 158) делает ее черствой. Например, она не может понять, почему ее муж пренебрегает возможностью «выйти в свет» ради посещения пациента, и подобное высказывание демонстрирует равнодушие и к посторонним, и к заботам собственного мужа, ибо падчерице Молли, по-настоящему любящей отца и интересующейся его делами, приходится с сарказмом объяснять мачехе, что «мистер Крейвен Смит не может отложить свою смерть» (*Wives*. P. 154).

Интересна эволюция представлений о браке, которые, пусть и в критическом ключе, нашли отражение в творчестве Гаскелл. Д. У. Эллиотт в статье, посвященной более раннему роману Гаскелл «Север и Юг» («North and South», 1855), отмечала, что в викторианскую эпоху положение женщины в браке мало чем отличалось от положения наемной фабричной работницы: посредством брака мужчина получал полный контроль над ее финансами, ее личностью, ее трудом, ее сексуальностью [Elliott 1994: 46]. Однако в романе «Жены и дочери» именно замужняя женщина стремится опрокинуть эту семейную иерархию и превратить мистера Гибсона в своего наемного работника: «Неужели мне так всю жизнь и мучить себя работой ради денег? Это неестественно. Замужество — естественно, и тогда муж выполня-

ет всю эту тяжелую работу, а жена сидит в своей гостиной как леди» (*Wives*. P. 85). Стремление вести жизнь истинной леди за счет брака с уважаемым врачом — связующее звено для непохожих друг на друга миссис Роуз и миссис Киркпатрик.

Т. Спаркс, сравнивая решение этого образа в «Жене врача» и «Женах и дочерях», подчеркнула переход от сентиментально-сенсационного сюжета, выбранного Брэддон, к реалистическому (и назидательному) у Гаскелл: если Изабел, по воле трагических обстоятельств, освобождается от невыносимого для нее брака с Джорджем Гилбертом, то супруги Гибсон вынуждены терпеть общество друг друга, исправляя таким образом совершенную ими ошибку [Sparks 2009: 72]. При этом, в отличие от предшественников, Гаскелл далека от желания показать крушение романтических идеалов юной героини, ставшей женой представителя благородной, но крайне прозаической профессии. Ее Гиацинта выходит замуж, будучи зрелой женщиной, далекой от навязанных дамскими романами грез. Она олицетворяет практичный, меркантильный взгляд на институт брака и, попадая в общество духовно богатых людей, вносит в него дисгармонию, как всякий эгоистичный человек. Дополняя оценку этого образа как источника многих бед для окружающих, данную С. Вултон [Woolton 2016: 103], мы предполагаем, что имя Гиацинта, выбранное Гаскелл для жены добропорядочного врача, является аллюзией к легенде об Аяксе Теламониде, из крови которого вырос гиацинт, напоминающий по форме первые буквы имени древнегреческого героя и одновременно — горестное междометие [Золотницкий 1994: 126–127]. К счастью, появление новой жены в доме доктора не имеет роковых последствий, она является «носителем горя» и разрушительницей лишь в том смысле, что навязывает домочадцам «утонченные» манеры, например, не позволяя мужу завтракать по-плебейски хлебом с сыром или появляться в гостиной по вечерам в домашних тапочках, что явно ассоциируется у Молли и ее отца с прежней комфортной жизнью (*Wives*. P. 397).

Разрушительница-манипулятор в романе Дж. Элиот «Миддлмарч». В романе «Миддлмарч» («*Middlemarch*»¹⁰, 1872) Элиот изобразила две полярные модели брака. Доротея Брук выходит замуж за преподобного Эдварда Кейзобона, мечтая стать его помощницей в служении достойному делу. Возвышенный порыв героини оказывается бессмысленным, поскольку Кейзобон — совсем не тот одаренный человек, чьи труды могут принести благо человечеству. Терциус Лидгейт, молодой талантливый врач, движимый стремлением помогать беднякам и заниматься наукой, — антипод «сухаря-педанта» (*Middlemarch*. P. 151) Кейзобона. Объективно жизнь Лидгейта нельзя назвать неудачной [Surawicz, Jacobson 2009: 28], однако судьба доктора сложилась драматично, не позволив ему осуществить его высокие замыслы. Конфликт с косной буржуазной средой Миддлмарча вынудил Лидгейта отказаться от идеи реформировать систему оказания медицинской помощи в городке. Лидгейту завидуют, считая большой удачей его женитьбу на Розамонд Винси, тогда как это стало его роковой ошибкой. Розамонд, как и Гиацинта Киркпатрик у Гаскелл, рассматривает брак как средство укрепления своего положения в обществе. Лидгейт так же привлекает ее не в силу личных качеств, но как джентльмен, племянник баронета; она ставит его общественные связи выше богатства и свято верит, что молодой врач «так или иначе, но обязательно возвысится» (*Middlemarch*.

¹⁰ Eliot G. *Middlemarch: A Study of Provincial Life*. Цит. по: [Eliot 1891]. (Далее — *Middlemarch*.)

Р.218, 261). Дочь мэра Миддлмарча, Роза получила образование в школе мисс Лемон, где ей привили светские манеры, научили садиться в карету и выходить из нее, играть на фортепиано и рисовать (*Middlemarch*. Р.68). Однако полученное «образование» не изменило ее приземленную натуру. Приобретя внешний лоск, Роза по-прежнему обожает наряды и сплетни. Она слегка возвышается над родными, заливаясь краской стыда, когда, например, ее мать без обвиняков заявляет, что дядюшка-баронет Лидгейта мог бы без проблем подкинуть ее дочери одну-две тысячи фунтов, и понимая, что если когда-нибудь знатные родственники Терциуса приедут в Миддлмарч, то столкнутся в доме ее родителей с такими вещами, которые шокируют их своей несовместимостью с аристократическими понятиями (*Middlemarch*. Р.262). Однако Роза бесконечно далеко до высокой духовности Доротеи, что подчеркивается семантикой их имен, и она всегда остается хорошей актрисой, за ангельской внешностью и ребячливым поведением скрывающей твердую волю, направленную на исполнение собственных желаний. Роза почти никогда не забывает о том, что «на нее смотрят» (*Middlemarch*. Р.85), и только один раз теряет контроль над собой, когда Доротея, подозревая о влюбленности Розы в Лэдислоу, приходит к ней для откровенного разговора, чтобы попытаться спасти брак своего друга Лидгейта.

Возможно, этот поступок Доротеи был ее очередной ошибкой. Брак с Розой разрушил все планы Лидгейта. Он наделал долгов, отказался от своих амбиций и был вынужден действовать сообразно желаниям своей жены, отказался и от науки, и от филантропических порывов, превратившись в преуспевающего врача, обслуживающего состоятельных клиентов. Между тем Элиот как будто пытается защитить Розу, прося читателей «не проявлять несправедливость и плохо думать о ней: у нее не было злых умыслов, она не стремилась ни к чему дурному, не была корыстолюбива — собственно говоря, вообще не задумывалась о деньгах, разве что как о чем-то необходимом, о котором всегда должен заботиться кто-то другой» (*Middlemarch*. Р.197). В этой характеристике — ключ к пониманию характера Розы: неспособная на сильные чувства, она умеет манипулировать мужем и спокойно добиваться желаемых результатов, а то, что эгоистическая натура подавляет природную альтруистическую, является законом жизни того общества, к которому принадлежат герои.

В своей безмятежности Роза более опасна для мужа, чем тоже эгоистичная, но суетливая Гиацинта. Как и в «Жене врача», причиной безвременной смерти Лидгейта стала инфекционная болезнь, однако читатель не может не вспомнить о том, что однажды Терциус сравнил свою супругу с базиликом. С одной стороны, это растение ассоциируется с представлениями о вечной любви, но для Лидгейта базилик — «растение, которое замечательно процветает, питаясь мозгом убитого человека» (*Middlemarch*. Р.618). Таким образом, он чувствовал себя мертвецом еще при жизни и ясно отдавал себе отчет в том, кто является источником его бедствий, кто «выел» ему мозги. Между тем Розамонд и в самом деле процветала в первом браке, а после смерти Лидгейта благополучно вышла замуж за другого врача и полагала, что счастливый второй брак был ниспослан ей как «награда» за то «терпение», которое она проявляла в отношениях с Лидгейтом.

Заключение

Мы рассмотрели образы жен врачей в произведениях шести британских писательниц, опубликованных в 1851–1872 гг. В произведениях 1850-х гг. превалирует образ женщины — беспомощной жертвы либо мужа — готического злодея (повести миссис Генри Вуд), либо обстоятельств («Двойной дом» Мьюлок). Однако в 1863 г. начинающая писательница Теккерей предложила принципиально иную историю жены врача, предполагающую знакомство автора с сюжетом «Госпожи Бовари», но развивающуюся в иной социальной среде и написанную без сочувствия к героине, представленной недалекой и эгоистичной. Несмотря на феминистские мотивы, изначально проявившиеся в ее творчестве [Бурова 2016: 85, 87], писательница откровенно возлагает на Хорейшию вину за смерть мужа-врача. При допущении влияния, оказанного на это произведение «Госпожой Бовари», оно отличается от возможного прототипа активным сочувствием к доктору Ричу и осуждением его жены. Аналогичная тенденция наблюдается в «Жене врача» Брэддон, «Женах и дочерях» Гаскелл и «Миддлмарче» Элиот. В отличие от романа Флобера, у Теккерей, Брэддон и Элиот жены переживают мужей-врачей и несут ответственность за их разрушенную судьбу и преждевременную смерть. Особняком стоит роман Гаскелл «Жены и дочери», однако и в нем жена играет роль возмутительницы спокойствия, превращая славного доктора Гибсона в свою жертву, хотя и без фатальных последствий для кого-либо из окружающих.

Таким образом, в британской женской литературе средневикторианского периода, хронологически соответствующего подъему «первой волны» феминизма, наблюдается перелом в трактовке семейных ролей врача и его жены: угнетатели и жертвы меняются местами. Английские сестры Эммы Бовари не превращаются в готических злодеек, но истории с участием жен врачей с очевидностью свидетельствуют о росте осуждения женского эгоизма в женской прозе 1860-х — начала 1870-х гг. (если у Теккерей Хорейшия корила себя за то, что отравила жизнь мужу, то Розамонд Лидгейт даже не осознает своей роковой роли) и сочувствия мужьям-врачам, ставшим жертвами женской тирании.

Источники

- Гофман 2009 — Гофман Э. Т. А. *Собрание сочинений*: в 8 т. Т. 3: Эликсиры дьявола. Роман; Рассказы 1819–1821 годов. М.: Терра — Книжный клуб, 2009. 512 с.
- Braddon 1864 — Braddon M. *Doctor's wife*: in 3 vols. London: John Maxwell and Co., 1864. Vol. 1. 304 p.; Vol. 2. 327 p.; Vol. 3. 319 p.
- Eliot 1891 — Eliot G. *Middlemarch. A study of provincial life*. Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1891. 621 p.
- Flaubert [1920] — Flaubert G. *Madame Bovary: Moeurs de Province*. Vienne: Manz, [1920]. 458 p.
- Gaskell 2005 — Gaskell E. *The works*: in 10 vols. Vol. 2: Novellas and shorter fiction I. The Moorland Cottage, Cranford and related writings. Shelston A. (ed.). London: Pickering & Chatto, 2005. P. 97–160.
- Gaskell 1890 — Gaskell E. *Wives and daughters. An every-day story*. London: Smith, Elder and Co., 1890. 611 p.
- Hoffmann 1958 — Hoffmann E. T. A. *Poetische Werke*: in 12 Bdn. Bd. 2. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1958. 319 S.
- Mullock 1874 — Mullock D. *Nothing new. Tales, by the author of "John Halifax, gentleman," "Avillion," "Agatha's Husband" etc.* New York: Harper and Brothers, 1874. 126 p.

- Scott 1905 — Scott W. The surgeon's daughter. In: Scott W. The works: in 25 vols. Vol. 25. London; Edinburgh; New York: Thomas Nelson and Sons, 1905. P. 1–191. <https://archive.org/details/castledangerous00scotgoog/page/n13> (дата обращения: 10.10.2019).
- Thackeray 1870 — Thackeray A. I. *The writings*. New York: Harper Brothers, 1870. 425 p.
- Thackeray Ritchie 1994 — Thackeray Ritchie A. *Journals and letters*. Burnham Bloom A., Maynard J. (eds.). Bibliographical commentary and notes by L. F. Schankman. Columbus: Ohio State University Press, 1994. 372 p.
- Wood 1857 — Wood H., Mrs. Mr. Castonel. *Bentley's Miscellany*. 1857, 41: 514–528, 626–639; 42: 84–98, 181–194, 306–330.
- Wood 1889 — Wood H., Mrs. *Lord Oakburn's daughters*. London: Richard Bentley ad Son, 1889. 494 p.

Литература

- Бурова 2016 — Бурова И. И. Литературные ипостаси Энн Изабеллы Теккерей, викторианской леди и феминистки. *Вестник Пермского университета*. 2016, 3 (35): 85–93.
- Горшкова 2002 — Горшкова Е. А. Жанровое своеобразие «ньюгейтских» романов У. Эйнсворта. В кн.: *Английская литература: от «Беовульфа» до наших дней*. Бурова И. И., Сидорченко Л. В. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. С. 194–202.
- Горшкова 2015 — Горшкова Е. А. Готические мотивы в романе У. Эйнсворта «Тауэр». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2015, 1: 24–30.
- Золотницкий 1994 — Золотницкий Н. Ф. *Цветы в легендах и преданиях*. Київ: Довіра, 1994. 255 с.
- Иванова 2009 — Иванова О. А., Ерофеева Н. Е. *Закон и право в «ньюгейтском» романе Э. Булвер-Литтона*. Орск: Изд-во Орск. гуманитар.-технол. ин-та, 2009. 212 с.
- Эмсли 2018 — Эмсли Дж. *Молекулы-убийцы, или Химический детектив*. Пер. с англ. А. Капанадзе. М.: Лаборатория знаний, 2018. 336 с.
- Arnold 1887 — Arnold M. Count Leo Tolstoi. *Fortnightly Review*. 1887, 48: 783–799.
- Beller 2012 — Beller A.-M. *Mary Elizabeth Braddon: A companion to the mystery fiction*. Jefferson (NC); London: McFarland and Co., Inc., 2012. 204 p.
- BMJ 1914 — One hundred years ago: The doctor in fiction in 1814. *The British Medical Journal*. 1914, 1 (2770): 252–254.
- Boiko 2005 — Boiko K. Reading and (re)writing class: Elizabeth Gaskell's "Wives and daughters." *Victorian Literature and Culture*. 2005, 33 (1): 85–106.
- Byatt 2002 — Byatt A. S. Scenes from a provincial life. *The Guardian*. 2002, July 27. <https://www.theguardian.com/books/2002/jul/27/classics.asbyatt> (access date: 15.02.2019).
- Cohen 1995 — Cohen M. *Sisters: Relation and rescue in nineteenth-century British novels and paintings*. Madison: Fairleigh Dickinson University Press; London; Toronto: Associated University Press, 1995. 187 p.
- E. D. 1864 — E. D. Miss Braddon's Novels. *The Reader. A Journal of Literature, Science, and Art*. 1864, October: 474–475.
- Edwards 2015 — Edwards J. S. *Technology of the Gothic in literature and culture: technogothics*. New York; London: Routledge, 2015. 198 p.
- Elliott 1994 — Elliott D. W. The female visitor and the marriage of classes in Gaskell's "North and south." *Nineteenth-Century Literature*. 1994, 49 (1): 1–49.
- Fletcher 1925 — Fletcher G. *The life and career of Dr. William Palmer of Rugely: Together with a full account of the murder of John P. Cook and a short account of his trial in May 1856*. London: T. Fisher, Unwin, 1925. 198 p.
- Golden 2006 — Golden C. J. Censoring her sensationalism: Mary Elizabeth Braddon and "The doctor's wife." In: *Victorian sensations: Essays on a scandalous genre*. Harrison K., Fantina R. (eds.). Columbus: Ohio State University Press, 2006. P. 29–40.
- Gottlieb 2013 — Gottlieb E. *Walter Scott and contemporary theory*. London; New Delhi; New York: Bloomsbury, 2013. 187 p.
- Hollingsworth 1963 — Hollingsworth K. *The Newgate novel, 1830–1847: Bulwer, Ainsworth, Dickens and Thackeray*. Detroit: Wayne State University Press, 1963. 279 p.

- Kennedy 2004 — Kennedy M. The ghost in the clinic: Gothic medicine and curious fiction in Samuel Warren's "Diary of a late physician." *Victorian Literature and Culture*. 2004, 32 (2): 327–351.
- Loudon 1992 — Loudon I. Medical practitioners 1750–1850 and the period of medical reform in Britain. In: *Medicine in society*. Wear A. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 219–248.
- Mourao 2001 — Mourao M. Negotiating Victorian feminism: Anne Thackeray Ritchie's short fiction. *Tulsa Studies in Women's Literature*. 2001, 20 (1): 57–75.
- Newton 1859 — Newton A. *The case of Thomas Smethurst, M. D.: his trial, dentence, respite, and pardon for willful murder and prosecution for bigamy*. London: Routledge, Warne and Routledge, 1859. 135 p.
- Price 2015 — Price Ch. Medical Bluebeards: the domestic threat of the poisoning doctor in the popular fiction of Ellen Wood. In: *Victorian medicine and popular culture*. Penner L., Sparks T. (eds.). London: Pickering and Chatto, 2015. P. 81–94.
- Rouxville 1977 — Rouxville A. The reception of Flaubert in Victorian England. *Comparative Literature Studies*. 1977, 14 (3): 274–284.
- Rouxville 1987–1988 — Rouxville A. Attitudes to Flaubert. An investigation. *Nineteenth-Century French Studies*. 1987–1988, 16 (1–2): 132–140.
- Sparks 1999 — Sparks T. Fiction becomes her. Representations of female character in Mary Braddon's "The doctor's wife." In: *Beyond sensation: Mary Elizabeth Braddon in Context*. Tromp M., Gilbert P.K., Haynie A. (eds.). New York: State University of New York Press, 1999. P. 197–209.
- Sparks 2009 — Sparks Th. T. *The doctor in the Victorian novel: family practices*. Farnham; Burlington: Ashgate, 2009. 186 p.
- Stephen 1857 — Stephen F. "Madame Bovary." *Saturday Review*. 1857, 42: 40–41.
- Surawicz, Jacobson 2009 — Surawicz B., Jacobson B. *Doctors in fiction: Lessons from literature*. New York: Radcliffe Publishing, 2009. 202 p.
- Talairach-Vielmas 2010 — Talairach-Vielmas L. *Wilkie Collins, medicine and the Gothic*. Cardiff: University of Wales Press, 2010. 224 p.
- Watson 2004 — Watson K. *Poisoned lives. English poisoners and their victims*. London; New York: Hambledon, 2004. 268 p.
- Woolton 2016 — Woolton S. *Byronic heroes in nineteenth-century women writing and screen adaptation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 253 p.
- Worthington 2012 — Worthington H. The Newgate novel. In: *The Oxford history of the novel in English*. Vol. 3: The nineteenth-century novel 1820–1880. Kucich J., Bourne Taylor J. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 123–136.

Статья поступила в редакцию 23 июня 2019 г.

Статья рекомендована в печать 23 сентября 2019 г.

Irina I. Burova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
i.burova@spbu.ru

Elmira V. Vasilieva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
elmira.vasilieva@spbu.ru

Emma Bovari's sisters: doctors' wives in the Victorian female prose

For citation: Burova I.I., Vasilieva E.V. Emma Bovari's sisters: doctors' wives in the Victorian female prose. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (4): 653–672. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.407> (In Russian)

The purpose of the essay is to analyze the images of doctors' wives in the works of British women writers during the second half of the 19th century and to consider the main trends in

their evolution. The brilliant study by T. Sparks devoted to doctors in British Victorian novels imparts the need for considering the images of doctors' wives in Victorian female fiction. The materials for our study included works by E. Gaskell, D. M. Mulock Craik, Mrs. Henry Wood, A. I. Thackeray, M. E. Braddon and G. Eliot published between 1851 and 1872. The study shows that the image of a doctor's wife as her husband's victim, that had dominated in earlier works, was quite suddenly replaced by the image of a doctor's wife destroying her spouse. The transition can be explained by the weakening of the positions of Romanticism, decrease of public interest in Gothic horrors, and a departure from the glorification of a criminal typical of the Newgate novel. At the same time, this change may be explained by the publication of G. Flaubert's *Madame Bovary*. However, its influence should not be exaggerated, even if an authoress (Braddon) overtly recognized the secondariness of her work to it. The rise of the so-called 'First wave' of feminism should also be taken into consideration as a significant factor influencing the evolution of the image of a doctor's wife in the Victorian novels by women writers. Concurrently, their sympathy towards men and their tendency to blame the wives for family tragedies are quite unexpected for feminist fiction.

Keywords: 19th-century British novel, female prose of the Victorian period, doctor's wife image in fiction, first-wave feminism, domestic violence.

References

- Бурова 2016 — Burova I. I. Literary guises of Anne Isabella Thackeray, a Victorian lady and feminist. *Bulletin of Perm University*. 2016, 3 (35): 85–93. (In Russian)
- Горшкова 2002 — Gorshkova E. A. Genre originality of the “Newgate” novels by W. Ainsworth. In: *Angliiskaia literatura: ot «Beovulf» do nashikh dnei*. Burova I. I., Sidorchenko L. V. (eds.). Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press, 2002. P. 194–202. (In Russian)
- Горшкова 2015 — Gorshkova E. A. Gothic motives in W. Ainsworth's novel “The Tower of London.” *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. Philology. Oriental Studies. Journalism*. 2015, 1: 24–30. (In Russian)
- Золотницкий 1994 — Zolotnitskii N. F. *Flowers in legends and traditions*. Kiev: Dovira Publ., 1994. 255 p. (In Russian)
- Иванова 2009 — Ivanova O. A., Erofeeva N. E. *Legislation and law in the “Newgate” novel by E. Bulwer-Lytton*. Orsk: Orsk Institute of Humanities and Technology Press, 2009. 212 p. (In Russian)
- Эмсли 2018 — Emsley J. *Molecules of murder, or a Chemical detective story*. Transl. from English by A. Kapanadze. Moscow: Laboratoriia znanii Publ., 2018. 336 p. (In Russian)
- Arnold 1887 — Arnold M. Count Leo Tolstoi. *Fortnightly Review*. 1887, 48: 783–799.
- Beller 2012 — Beller A.-M. *Mary Elizabeth Braddon: A companion to the mystery fiction*. Jefferson (NC); London: McFarland and Co., Inc., 2012. 204 p.
- BMJ 1914 — One hundred years ago: The doctor in fiction in 1814. *The British Medical Journal*. 1914, 1 (2770): 252–254.
- Boiko 2005 — Boiko K. Reading and (re)writing class: Elizabeth Gaskell's “Wives and daughters.” *Victorian Literature and Culture*. 2005, 33 (1): 85–106.
- Byatt 2002 — Byatt A. S. Scenes from a provincial life. *The Guardian*. 2002, July 27. <https://www.theguardian.com/books/2002/jul/27/classics.asbyatt> (access date: 15.02.2019).
- Cohen 1995 — Cohen M. *Sisters: Relation and rescue in nineteenth-century British novels and paintings*. Madison: Fairleigh Dickinson University Press; London; Toronto: Associated University Press, 1995. 187 p.
- E. D. 1864 — E. D. Miss Braddon's Novels. *The Reader. A Journal of Literature, Science, and Art*. 1864, October: 474–475.
- Edwards 2015 — Edwards J. S. *Technology of the gothic in literature and culture: technogothics*. New York; London: Routledge, 2015. 198 p.
- Elliott 1994 — Elliott D. W. The female visitor and the marriage of classes in Gaskell's “North and south.” *Nineteenth-Century Literature*. 1994, 49 (1): 1–49.

- Fletcher 1925 — Fletcher G. *The life and career of Dr. William Palmer of Rugely: Together with a full account of the murder of John P. Cook and a short account of his trial in May 1856*. London: T. Fisher, Unwin, 1925. 198 p.
- Golden 2006 — Golden C.J. Censoring her sensationalism: Mary Elizabeth Braddon and “The doctor’s wife.” In: *Victorian sensations: Essays on a scandalous genre*. Harrison K., Fantina R. (eds.). Columbus: Ohio State University Press, 2006. P.29–40.
- Gottlieb 2013 — Gottlieb E. *Walter Scott and contemporary theory*. London; New Delhi; New York: Bloomsbury, 2013. 187 p.
- Hollingsworth 1963 — Hollingsworth K. *The Newgate novel, 1830–1847: Bulwer, Ainsworth, Dickens and Thackeray*. Detroit: Wayne State University Press, 1963. 279 p.
- Kennedy 2004 — Kennedy M. The ghost in the clinic: Gothic medicine and curious fiction in Samuel Warren’s “Diary of a late physician.” *Victorian Literature and Culture*. 2004, 32 (2): 327–351.
- Loudon 1992 — Loudon I. Medical practitioners 1750–1850 and the period of medical reform in Britain. In: *Medicine in society*. Wear A. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P.219–248.
- Mourao 2001 — Mourao M. Negotiating Victorian feminism: Anne Thackeray Ritchie’s short fiction. *Tulsa Studies in Women’s Literature*. 2001, 20 (1): 57–75.
- Newton 1859 — Newton A. *The case of Thomas Smethurst, M.D.: his trial, dentence, tespite, and pardon for Willful murder and prosecution for bigamy*. London: Routledge, Warne and Routledge, 1859. 135 p.
- Price 2015 — Price Ch. Medical bluebeards: the domestic threat of the poisoning doctor in the popular fiction of Ellen Wood. In: *Victorian medicine and popular culture*. Penner L., Sparks T. (eds.). London: Pickering and Chatto, 2015. P.81–94.
- Rouxeville 1977 — Rouxeville A. The reception of Flaubert in Victorian England. *Comparative Literature Studies*. 1977, 14 (3): 274–284.
- Rouxeville 1987–1988 — Rouxeville A. Attitudes to Flaubert. An investigation. *Nineteenth-Century French Studies*. 1987–1988, 16 (1–2): 132–140.
- Sparks 1999 — Sparks T. Fiction becomes her. Representations of female character in Mary Braddon’s “The doctor’s wife.” In: *Beyond sensation: Mary Elizabeth Braddon in Context*. Tromp M., Gilbert P.K., Haynie A. (eds.). New York: State University of New York Press, 1999. P.197–209.
- Sparks 2009 — Sparks Th. T. *The doctor in the Victorian novel: family practices*. Farnham; Burlington: Ashgate, 2009. 186 p.
- Stephen 1857 — Stephen F. “Madame Bovary.” *Saturday Review*. 1857, 42: 40–41.
- Surawicz, Jacobson 2009 — Surawicz B., Jacobson B. *Doctors in fiction: Lessons from literature*. New York: Radcliffe Publishing, 2009. 202 p.
- Talairach-Vielmas 2010 — Talairach-Vielmas L. *Wilkie Collins, medicine and the gothic*. Cardiff: University of Wales Press, 2010. 224 p.
- Watson 2004 — Watson K. *Poisoned lives. English poisoners and their victims*. London; New York: Hambledon, 2004. 268 p.
- Woolton 2016 — Woolton S. *Byronic heroes in nineteenth-century women writing and screen adaptation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 253 p.
- Worthington 2012 — Worthington H. The Newgate novel. In: *The Oxford history of the novel in English*. Vol. 3: The nineteenth-century novel 1820–1880. Kucich J., Bourne Taylor J. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2012. P.123–136.

Received: June 23, 2019

Accepted: September 23, 2019